№ 14.

Харьковскій издательскій комитетъ при Обществѣ грамотности.

4.3757 м

ЮЖНО-УСТУРІЙСКІЙ КРАЙ

и

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Центральный Рабочий Клуб. * Новосибирск
Имени Л. Б. Каменева

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Новицкой.

263

2-е изданіе,

перепечатанное съ 1-го, допущеннаго ученымъ комитетомъ Министерства Нар. Просвѣщенія въ школьныя библіотеки.

(Напечатано 20,000 экз.).

Изданіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1896.

И 42383
Ит 468

ЮЖНО-УССУРІЙСКІЙ КРАЙ

И

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. Новицкой.

2-е изданіе,

перепечатанное съ 1-го, допущеннаго ученымъ комитетомъ Министерства Нар. Просвѣщенія въ школьныя библіотеки.

(*Напечатано 20,000 экз.*).

Изданіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности
ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 28 Октября 1895 года.

Государ. публ...
Историческая
библиотека РСФСР
№ 25781 1933

ЮЖНО-УССУРІЙСКІЙ КРАЙ и ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Глава 1-я.

Страна.

Южно-Уссурійскій край или, какъ его называютъ крестьяне-малороссы, „Зелёный клынъ“, лежитъ въ самомъ концѣ Сибири у Японскаго моря, въ сосѣдствѣ съ Китаемъ.

Если ѣхать въ него изъ Россіи сухопутьемъ черезъ Сибирь, то примѣрно отъ г. Казани, который стоитъ уже недалеко отъ начала Сибири, до „Зеленаго клина“ будетъ почти десять тысячъ верстъ; если же ѣхать въ него моремъ, то отъ г. Одессы до Южно-Уссурійскаго города Владивостока, куда обыкновенно пристаютъ пароходы, надо проплыть двадцать тысячъ верстъ.

Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ считается около 8 милліоновъ десятинъ земли. Большая часть ея занята лѣсами, горами, рѣками, озерами и бо-

лотами, милліона 2 десятинъ пригодны какъ для хлѣбопашества, такъ и для скотоводства.

Южно-Уссурійскій край—страна гористая. Горы его называются „Божій хребетъ“, а также „Сихотэ-Алинъ“, что по русски значитъ „Теплыя горы“. Онѣ не особенно высоки и почти до самыхъ вершинъ покрыты дремучими лѣсами. Мѣстами эти лѣса до того густы, что пройти ихъ можно, только прорубливая себѣ дорогу топоромъ.

По вершинамъ горъ растутъ только хвойныя деревья: кедръ, ель, лиственница, пихта, сосна и тисъ. По предгорьямъ, по склонамъ горъ и по долинамъ расположены лиственные лѣса, состоящіе изъ клёна, липы, пробковаго дерева, ясени, дуба, осины, граба, вяза, ольхи, березы и др. Среди этихъ деревьевъ, чаще всего по опушкамъ лѣсовъ, попадаются дикія яблони, груши, абрикосы, черешни и волошскіе орѣхи.

Всѣ лѣса Южно-Уссурійскаго края, а въ особенности лиственные, имѣютъ около себя густой подлѣсокъ изъ различныхъ кустарниковъ: акаціи, малины, шиповника, жасмина, кизила, бузины, калины, сирени, ивы и мног. др.

Всѣ эти деревья и кустарники переплетены между собою разными вьющимися и ползучими

растеніями: виноградомъ, колючимъ лещинникомъ и друг., а земля промежь нихъ покрыта сочною густою травою. Зелень въ тамошнихъ лѣсахъ до того густа, что отъ нея и просвѣту нѣтъ; солнце даже въ полдень едва проникаетъ сквозь нее. Вѣроятно, потому тамъ нѣтъ клубники, земляники и грибовъ.

Однако, какъ ни богатъ Южно-Уссурійскій край лѣсомъ, качество его хуже нашего,—тамошнее дерево дупловато, корявисто и въ постройкахъ и подѣлкахъ менѣе крѣпко.

Южно-Уссурійскій край еще очень богатъ травами. Почти вездѣ, гдѣ только земля свободна отъ лѣса и не вспахивается подъ хлѣбъ, —она заростаетъ густою, какъ щётка, травою.

По степямъ тамъ, кромѣ многихъ другихъ растеній, растутъ ясенецъ, синюха, валеріяна и подмаренникъ; по горамъ—гвоздика, череда, очитокъ, колокольчики; среди лѣсовъ по лужайкамъ—лилія, живокость, василистникъ, чемерица, ландышъ; по лѣснымъ опушкамъ и въ самыхъ лѣсахъ пижма, чистотѣлъ и др.

Когда весною зацвѣтаютъ всѣ эти травы, то воздухъ становится пахучимъ, а земля кажется покрытою пестро расписаннымъ ковромъ.

По болотамъ, берегамъ озеръ и рѣчнымъ затонамъ стоятъ, какъ лѣса, чилимъ, камышъ, аиръ (гавьеръ) и другія болотныя растенія. Человѣкъ верхомъ на лошади можетъ спрятаться въ нихъ.

Всѣ эти лѣса и травы такъ и кишатъ всякимъ звѣрьёмъ и птицами.

Самое замѣчательное изъ водящихся тамъ хищныхъ животныхъ—тигръ; онъ больше всего питается дикими козами, дикими кабанами, но не брезгаетъ и маленькими звѣрьками: бѣлками и др.

Когда зимою въ Южно-Уссурійскомъ краѣ выпадаютъ большіе снѣга, и тиграмъ становится неудобно охотиться на дикихъ звѣрей,—тогда они начинаютъ забѣгать въ казачьи станицы, крестьянскія селенія, китайскія усадьбы и таскаютъ оттуда собакъ, рабочій скотъ и лошадей, а при случаѣ разрываютъ и людей. Въ прежнее время, когда край этотъ былъ менѣе заселенъ людьми, дерзость тигровъ доходила до того, что они ночью врывались въ китайскіе дома и оттуда таскали спящихъ китайцевъ. Нѣкоторые дома были совсѣмъ брошены, потому что въ нихъ не было житья отъ страшнаго звѣря. Даже недавно, всего года четыре тому назадъ, переселенцы—русскіе крестьяне,

осѣвшіе въ долинѣ рѣки Бейчихе и основавшіе тамъ селеніе Смячи, вскорѣ покинули его и переселились въ другое мѣсто, потому что были напуганы частыми нападеніями тигровъ на ихъ селеніе. Въ газетахъ пишутъ, что на строющейся теперь черезъ всю Сибирь желѣзной дорогѣ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ рабочіе не разъ были перепуганы появленіемъ страшнаго звѣря вблизи ихъ работъ.

По тамошнимъ селамъ, станицамъ и между китайцами ходитъ множество разсказовъ о продѣлкахъ тигровъ.

Пришелъ однажды тигръ въ солдатскій поселокъ (постъ) и, видя, что конюшня, въ которой стояли лошади, плотно заперта, не долго думая, вскочилъ на крышу, разыскалъ въ ней небольшое отверстіе, пробрался черезъ него къ лошадямъ и тотчасъ же задавилъ двухъ. Остальныя, перепугавшись нежданнаго гостя, подняли страшное ржанье. На ихъ счастье солдаты, спавшіе въ сосѣдней казармѣ, проснулись, догадались, въ чемъ дѣло, и прибѣжали на помощь. Услышавъ голоса людей, тигръ выскочилъ черезъ то же самое отверстіе въ крышѣ и исчезъ въ темнотѣ. Не успѣли солдаты прибрать мертвыхъ

лошадей, какъ послышалось сильное хрюканье въ свинарникѣ. Бросились туда и увидѣли трехъ задавленныхъ свиней, а тигра и слѣдъ простылъ.

Въ другомъ мѣстѣ днемъ пришелъ тигръ на телеграфную станцію, гдѣ въ это время сидѣлъ только одинъ сторожъ. Сидя въ избѣ, онъ вдругъ замѣтилъ, что кто-то подошолъ къ окну, тогда онъ посмотрѣлъ въ окно да такъ и ахнулъ! Онъ увидѣлъ тигра, который спокойно лизалъ сосульки, намерзшія на окнѣ. На смерть перепугавшись, сторожъ заперся и сталъ ждать, что то дальше будетъ. Тигръ же, забравшись во дворъ, задавилъ стоявшую тамъ лошадь, сытно наѣлся и преспокойно ушелъ въ лѣсъ.

Одинъ китаецъ, показывая свою руку, раненную когда-то тигромъ, разсказалъ, какъ случилось съ нимъ это несчастіе.

Тигръ, однажды забравшись въ его дворъ, прежде всего задавилъ лошадь, затѣмъ, вырвавъ заклееное бумагою окно въ домѣ, сталъ тащить черезъ него спавшаго тутъ же хозяина. На счастье китайца онъ спалъ поперегъ окна и потому застрялъ въ проходѣ. Поднявъ страшный крикъ, китаецъ разбудилъ спавшихъ въ домѣ рабочихъ. Тѣ вскочили, отбили хозяина и убили тигра.

Кромѣ тигра, изъ хищныхъ животныхъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ водятся: барсъ, рысь, дикая кошка, барсукъ, куница, соболь, колонокъ, выдра, сѣрый волкъ, лисица, енотъ и медвѣдь.

Со многими изъ этихъ животныхъ жителямъ Южно-Уссурійскаго края приходится воевать не только изъ—за шкуръ, которыя потомъ продаютъ китайцамъ, но и для защиты отъ нихъ себя и своего хозяйства.

Такъ, напр., барсъ. Хорошо, что онъ встрѣчается въ краѣ рѣдко, держится въ самыхъ глухихъ мѣстахъ и только изрѣдка подходитъ къ людскому жилью. Но не дай Богъ человѣку повстрѣчаться съ нимъ глазъ на глазъ въ лѣсу... Въ этомъ случаѣ барсъ хуже тигра, потому что отъ него нельзя спастись даже на деревѣ: онъ лазитъ такъ-же превосходно, какъ и кошка. Или вотъ еще небольшой звѣрекъ—колонокъ. Онъ кровожаднѣе нашего хорька (тхора) и, забѣжавъ во дворъ къ хозяину, всегда немилосердно передушитъ у него всю его домашнюю птицу.

Самый добродушный изъ перечисленныхъ здѣсь хищниковъ—медвѣдь. Не смотря на свою громадную величину (болѣе сажени въ длину, а вѣсомъ до 20 пудовъ), онъ очень миролюбиваго нрава и

рѣдко самъ нападаетъ на человѣка. Плохо приходится только охотнику на медвѣдя, если онъ, ранивъ его, самъ струситъ или потеряетъ оружіе, и ему нечѣмъ бываетъ защищаться противъ остервенившагося звѣря.

Извѣстно, что медвѣди питаются не только мясомъ, но также охотно ѣдятъ и коренья, ягоды и любятъ лакомиться медомъ. По лѣсамъ Южно-Уссурійскаго края водится много дикихъ пчелъ; онѣ устраиваются тамъ въ дуплахъ липъ и другихъ деревьевъ и къ осени собираютъ въ такія гнѣзда иногда болѣе пуда меду. Чтобы найти пчелъ, медвѣдь ходитъ по лѣсу и прислушивается... Иногда гудѣнье телеграфной проволоки до того обманываетъ косолапаго, что онъ принимаетъ его за жужжанье пчелъ и лѣзетъ на телеграфный столбъ... Удостовѣрившись по слуху и запаху, что внутри дерева дѣйствительно живетъ рой, медвѣдь разрываетъ дупло и, не смотря на пчелъ, которыя обсыпаютъ его со всѣхъ сторонъ и жалятъ въ носъ и губы, достаетъ медъ и преспокойно поѣдаетъ его.

Кромѣ хищниковъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ изъ насѣкомоядныхъ животныхъ водятся ежъ, кротъ, землеройка, а также множество

грызуновъ: летяга, бѣлка, заяцъ, мыши и крысы, которыя часто портятъ хлѣбъ и разные запасы провизіи у жителей. Не менѣе ихъ вреденъ бурундукъ—небольшой полосатый звѣрекъ, ростомъ съ крысу. Онъ живетъ по лѣсамъ, въ древесныхъ дуплахъ и въ норахъ. Бурундукъ проворно лазитъ по деревьямъ и быстро бѣгаетъ по землѣ. На зиму онъ засыпаетъ, но лѣтомъ сильно вредитъ посѣвамъ, огородамъ и бахчамъ (баштанамъ), воруя хлѣбныя зерна, сѣмена маку, дынь, арбузовъ, выѣдая середину огурцовъ и проч. Въ этой бѣдѣ и сторожа не помогаютъ: бурундуки обыкновенно выходятъ на охоту ночью и, пока сторожъ ходитъ положимъ, по одной сторонѣ бахчи, бурундукъ хозяйничаетъ на другой.

Изъ толстокожихъ животныхъ тамъ водятся только дикіе кабаны. Къ зимѣ они до того отъѣдаются желудями, лѣсными орѣхами, кореньями и червями, что обростаютъ саломъ вершка въ 4 толщиною и вѣсятъ до 20 пудовъ. Жители охотятся на нихъ западнями, травятъ собаками и стрѣляютъ изъ ружей. Охота на кабановъ вообще опасна, потому что раненый или разъяренный звѣрь бросается на охотника и можетъ на смерть пырнуть его клыками.

Изъ травоядныхъ животныхъ въ томъ краю живутъ: горный баранъ и горный звѣрь (антилопа и кабарга), а также олень и дикая кова. Первые два звѣря водятся въ небольшемъ количествѣ по голымъ верхушкамъ горъ, да по горнымъ сосновымъ лѣсамъ, а потому на нихъ рѣдко охотятся; олень же и коза водятся по всему краю и притомъ въ изобиліи. На нихъ охотятся съ ружьемъ, ловятъ собаками; но самая добычливая охота бываетъ на дикихъ козъ весною въ то время, когда онѣ возвращаются домой въ луговыя равнины изъ окраинъ горныхъ лѣсовъ, куда уходятъ на зимовье. Зная мѣста, гдѣ онѣ могутъ переправляться черезъ рѣку, охотники устраиваютъ засады и ждутъ, пока начнется переправа.

Долго ходятъ старые козлы-вожаки по берегу, нюхая воздухъ и осматривая, нѣтъ ли опасности на противоположной сторонѣ рѣки. А тамъ все спокойно: густою стѣною нависли съ берега ивы; въ ихъ темной зелени, повидимому, нѣтъ ничего подозрительнаго; дикія утки полощутся въ водѣ, цапли расхаживаютъ по песчанымъ откосамъ... И вотъ, помявшись еще немного, передовые козлы бросаются въ холодную воду,

за ними старыя козы, а тамъ и все остальное стадо. Трудно плыть по быстро текущей широкой рѣкѣ, тяжело фыркаютъ козлы. Однако все стадо довольно быстро подвигается впередъ; вотъ оно уже на срединѣ рѣки, еще немного, и достигнетъ желаннаго берега... Вдругъ какъ будто изъ воды выростаетъ легкая лодочка охотника, за нею другая, третья,—со всѣхъ сторонъ изъ-подъ густыхъ кустовъ отовсюду несутся быстрые челноки, и въ воздухѣ раздаются радостные крики и гиканье охотниковъ...

Удивленное стадо сразу останавливается, не зная, куда дѣться... Видя со всѣхъ сторонъ лодки и людей, стадо, на смерть перепуганное, бросается въ разсыпную: однѣ козы плывутъ вверхъ по рѣкѣ, другія внизъ, словомъ, во всѣ стороны, и тутъ то начинается настоящая бойня.

Съ палкою, оканчивающеюся желѣзнымъ наконечникомъ, несется охотникъ къ плывущей козѣ и однимъ ударомъ насквозь прокалываетъ ей шею. Коза, получивъ смертельную рану, умираетъ, но не сразу и потому не тонетъ, а еще плыветъ нѣсколько минутъ; къ ней подплываютъ и тащатъ ее къ берегу. Проколовъ одну козу, охотникъ бросается за другою, треть-

ею и т. д. Только немногія счастливицы успѣваютъ въ суматохѣ выплыть на берегъ и исчезнуть въ кустахъ; большая часть стада бываетъ перебита. Охотники снимаютъ шкуры, рѣжутъ и сушатъ мясо, которымъ потомъ долго питаются.

Какъ лѣса, горы и равнины Южно-Уссурійскаго края богато населены всякимъ звѣрьемъ, такъ тамошнія рѣки и озера переполнены всякаго рода рыбою.

Расказываютъ, что однажды осенью неводомъ въ 90 саженей длины вытащили за одну тоню двадцать восемь тысячъ рыбъ; въ другой разъ, когда рыбаки подвели къ берегу крылья невода, то не могли вытащить его, а оставили въ водѣ и цѣлыхъ два дня выбирали изъ него рыбу... Въ этотъ уловъ было поймано полторы тысячи пудовъ рыбы!

Въ озерѣ, которое имѣетъ 80 верстъ длины и 60 верстъ ширины и потому называется тамъ средиземнымъ моремъ, или по тамошнему „Ханка“, водится такое множество рыбы, что временами, говорятъ, слышно, какъ она шуршитъ плавниками. Изъ наиболѣе извѣстныхъ намъ породъ

тамъ встрѣчаются щуки, ерши, караси, чебаки, лещи, вьюны, сомы и осетры.

Для жителей тамошняго края рѣки важны не только рыбою, но и какъ пути сообщенія. Собственно „судоходныхъ“ рѣкъ, т. е. такихъ, по которымъ ходятъ пароходы, всего 3; по остальнымъ же свободно ѣздятъ весною, лѣтомъ и осенью лодками.

„Теплыми горами“ край дѣлится на двѣ части: мéньшую, которая лежитъ по берегу моря и называется „туманною“, и бóльшую за горами, которая называется „солнечною“.

Весною и лѣтомъ съ моря почти постоянно дуютъ сырые вѣтры; они то и нагоняютъ на береговую полосу земли густые туманы. Въ „солнечной“ сторонѣ туманы рѣдки; но за то тамъ въ то же самое время часто идутъ проливные дожди, продолжающіеся иной разъ 2—3 дня подъ рядъ.

Зима въ Южно-Уссурійскомъ краѣ начинается послѣ осенняго праздника Св. Архистратига Михаила (8 ноября) и продолжается почти 138 дней. Обыкновенно она бываетъ суровая, почти безъ оттепелей, такъ что морозы стоятъ день въ день. При этомъ зимою и даже раннею вес-

ною дуютъ со стороны Сибири холодные, сухіе вѣтры. Снѣгу иной годъ бываетъ мало, а на другой, смотришь, онъ ляжетъ слоемъ въ аршинъ толщиною и выше. Снѣгъ тамъ сухой какъ песокъ, и таетъ медленно. Отъ сильной, безпрерывной зимней стужи озеро Ханка и рѣки покрываются льдомъ, толщиною въ 1—1½ аршина, и стоятъ замерзшими почти 4½ мѣсяца.

Почти всѣ тамошнія птицы улетаютъ на зиму въ теплыя страны; зимовать въ краѣ остаются только тетерева, дятлы, синицы да дикія утки-гоголи, которыя держатся по незамерзающимъ мѣстамъ нѣкоторыхъ рѣкъ.

Къ концу зимняго мясоѣда начинаетъ теплѣть. По выжженымъ съ осени полянкамъ показываются проталины, но въ другихъ мѣстахъ снѣгъ лежитъ еще крѣпко. Тихо бываетъ тогда въ долинахъ. Только изрѣдка покажется стадо тетеревовъ въ береговыхъ кустахъ, застучитъ своимъ длиннымъ носомъ дятелъ, или на болотѣ запищитъ синица, да съ тихимъ свистомъ пролетитъ стадо гоголей...

Хотя къ празднику Евдокіи (1 Марта) холода еще и держатся, но уже чуется, что скоро наступитъ весна. По степнымъ мѣстамъ начинаетъ

раздаваться звонкая пѣсня прилетѣвшаго жаворонка, а по рѣчнымъ долинамъ показываются небольшія стада возвратившихся съ зимовли лебедей и баклановъ.

Птицы эти, точно радуясь, что благополучно вернулись изъ дальняго путешествія, шумно гогочутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаясь за рыбную ловлю по слегка оттаявшимъ рѣчнымъ берегамъ.

Въ слѣдъ за этими птицами къ празднику 40 мучениковъ (9 Марта) возвращаются изъ теплыхъ странъ журавль, соколъ, орелъ, ястребъ, коршунъ, утка, кряква, чирянка, аистъ (черногузъ, бусель) и сорокопутъ. За ними прилетаютъ цапля, чайка, дикій гусь, нырецъ, дроздъ и галка. Къ Благовѣщенію уже видны перепелъ, скворецъ, удодъ и другія птицы. Около этого же времени прилетаетъ самая замѣчательная и рѣдкая птица тамошняго края,—красивый ибисъ.

Однако прилетъ всѣхъ этихъ птицъ не дѣлаетъ еще настоящей весны. Тамъ не только передъ Благовѣщеніемъ, но даже недѣлю спустя послѣ этого праздника, случаются снѣжныя метели и лютые морозы. Вообще первая половина весны холодная и крайне вѣтренная; только къ ночи обыкновенно стихаетъ вѣтеръ.

Недѣли двѣ спустя послѣ праздника „40 мучениковъ“, наконецъ начинаетъ ломаться ледъ на озерѣ и по рѣкамъ... Хотя онъ еще нѣсколько дней носится по водѣ громадными глыбами, а по ночамъ все таки еще морозитъ; но уже погода на столько теплѣетъ днемъ, что къ вечеру показываются комары, а красивый сибирскій соловей—красношейка, затягиваетъ свою звучную весеннюю пѣсню...

Вскорѣ прилетаютъ другія мелкія пташки, и съ ними деревенская ласточка. Эта птица очень любима жителями; они позволяютъ ей вить гнѣздо внутри своихъ домовъ, и, вѣроятно, потому тамошнія ласточки очень довѣрчивы къ людямъ.

Такъ какъ къ „Юрью“ (23 апр.) по низинамъ и по выжженымъ съ осени мѣстамъ начинаетъ зеленѣть, то хозяева выпускаютъ скотину въ поле на попасъ. Однако хотя отъ сырости трава и быстро растетъ, но цвѣсти и спѣть она начинаетъ только послѣ Николина дня (9 мая). Въ это время по ночамъ часто бываютъ морозы, а потому деревья не распускаютъ своихъ сильно напухшихъ почекъ, и зеленѣютъ только кустарники: верба, смородина и др.

Послѣ „Николина“ дня всѣ лѣса быстро одѣваются листьями, а яблоня и черемуха покрываются пахучими цвѣтами.

Прилетаютъ кукушка, иволга и другія пѣвчія птицы; день и ночь становятся теплыми и совсѣмъ весенними.

Около праздника св. Тройцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ начинаются сильныя жары, прерываемыя частыми и проливными дождями.

Разсказываютъ, что однажды на берегахъ рѣки Уссури дождь шелъ 45 дней подъ рядъ!!

Съ наступленіемъ жаркихъ дней появляется множество всякаго рода „гнуса“ (такъ называютъ старожилы края слѣпней, оводовъ, комаровъ и всякую мелкую мошку), который немилосердно безпокоитъ выгоняемый въ поле скотъ, облѣпляя его, какъ самый сильный рой пчелъ. Скотина перестаетъ пастись, начинаетъ брыкаться, мотать головой, машетъ хвостомъ, бросается на землю и все таки не можетъ избавиться отъ своихъ мучителей.

„Если въ тихій пасмурный день“, разсказываетъ одинъ человѣкъ, побывавшій тамъ, „идти по высокой травѣ, то тучи этихъ насѣкомыхъ можно сравнить со снѣжными хлопьями сильной

метели, которая обдаетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Ни днемъ, ни ночью", жалуется онъ, „проклятыя насѣкомыя не даютъ покою ни людямъ, ни животнымъ". Для защиты отъ этого „гнуса" люди зажигаютъ костры („дымокуры"). Благодаря жарамъ и „гнусу", лѣтомъ скотъ обыкновенно худѣетъ и только съ осени, когда уменьшаются жары и пропадаютъ насѣкомыя,—скотъ поправляется и жирѣетъ.

На горахъ и въ степяхъ „гнусу" меньше. Понемногу уменьшается онъ и тамъ, гдѣ гуще встрѣчаются поселенія, потому что жители для лучшаго урожая съ осени выжигаютъ траву, а вмѣстѣ съ нею сжигаются и яички, которыя насѣкомыя кладутъ въ нее.

Послѣ Успенскаго поста погода становится сухою, умѣренно-теплою и такою стоитъ всю осень.

Сухая осенняя погода, а затѣмъ суровая и часто малоснѣжная зима, холодная весна вредны озимымъ посѣвамъ, а потому, вѣроятно, тамошніе жители сѣютъ больше всего яровые—рожь и пшеницу, просо, ячмень, овесъ, гречиху и кукурузу, которые даютъ тамъ прекрасные урожаи.

Въ немногихъ мѣстностяхъ Южно-Уссурійскаго края добываются каменный уголь, желѣзо, золото, серебро, свинецъ, а почти повсемѣстно встрѣчается камень, годный для построекъ, и глина, изъ которой можно приготовлять прекрасный кирпичъ.

Глава 2-я.

Мѣстные жители.

Южно-Уссурійскій край населяютъ русскіе, китайцы, корейцы, японцы, гольды и орочи.

Русскихъ считается около 40 тысячъ; о нихъ мы будемъ говорить дальше.

Китайцы живутъ тамъ съ давнихъ временъ, такъ какъ край этотъ присоединенъ къ Россіи всего лѣтъ 40 тому назадъ.

Въ старину у китайцевъ тамъ были свои большіе города, села и крѣпости. И до сихъ поръ сохранились нѣкоторые слѣды того времени; остатки развалинъ жилищъ, старые курганы, могилы, лѣсныя тропинки, которыя когда-то были проѣзжими китайскими дорогами, а по нѣкоторымъ рѣчнымъ долинамъ и равнинамъ земля покрыта „бороздками“. Эти „бороздки“ вѣр-

ная примѣта, что когда-то эта земля пахалась китайцами.

Лѣтъ 300 тому назадъ на Южно-Уссурійскій край напалъ сосѣдній народъ—манджуры. Китайскіе города и крѣпости были разрушены и разграблены, часть китайцевъ перебита, остальныхъ манджуры увели съ собою въ плѣнъ, и край на долгое время опустѣлъ, заглохъ и одичалъ... Жить въ немъ остались только дикіе народы—гольды и орочи.

Со временемъ въ этомъ разоренномъ краѣ стали скрываться бѣглые китайцы; туда же въ послѣдствіи китайскіе цари стали ссылать своихъ преступниковъ, а затѣмъ въ Южно-Уссурійскій край начали навѣдываться разные промышленники: охотники, рыболовы и др.

Когда собралось много народу, и для него потребовалось много хлѣба и овощей, тогда часть китайцевъ занялась хлѣбопашествомъ.

Послѣ присоединенія края къ Россіи часть китайцевъ ушла на родину; другіе остались и зажили хозяйствами. Такихъ китайцевъ насчитываютъ теперь въ краѣ около 8 тысячъ. Къ нимъ на лѣтнія работы приходитъ изъ Китая еще около тысячи работниковъ, которые

на зиму обыкновенно возвращаются на родину, иногда же остаются и зимовать у земляковъ.

Китайцы живутъ не сёлами, а отдѣльными усадьбами (фанзами); ихъ усадьбы разбросаны по всему краю. Такъ, китайцы хлѣбопашцы разселились по хорошимъ черноземнымъ мѣстамъ, —рыболовы у морскаго берега и около рѣкъ и озеръ, охотники живутъ у подножій горъ, въ лѣсахъ, даже въ горныхъ лѣсистыхъ трущобахъ. Такія усадьбы впрочемъ строятся только на время охоты и потому называются „звѣровыми“. Вотъ что мы знаемъ, со словъ одного путешественника, о жителяхъ такихъ „звѣровыхъ“ усадьбъ.

Подъѣхалъ онъ однажды съ товарищами къ такой усадьбѣ; видятъ: кругомъ нея стоитъ высокій крѣпкій заборъ, а ворота безъ запора, всего только подперты бревномъ. Отбросили бревно, вошли во дворъ,—ни души; а по всему замѣтно, что здѣсь недавно были люди. Вошли въ конюшню, смотрятъ:—въ пустыхъ стойлахъ лежитъ сѣно, рядомъ, въ пристройкѣ, насыпаны хлѣбъ и фасоль; пришли въ домъ: стоитъ посуда, тутъ-же сундуки. Заглянули въ котелъ,—вареное просо, но уже замерзшее... А кругомъ

не только нѣтъ души человѣческой, но не видно даже собакъ и кошекъ, которыхъ китайцы держатъ обыкновенно по нѣсколько штукъ.

Развьючили путешественники лошадей, размѣстили ихъ по стойламъ, въ которыхъ лежало готовое сѣно, затѣмъ развели въ домѣ огонь и принялись готовить ужинъ. Нашлись ведра, котелки, столъ, скамейки, просо и соль,—словомъ, все хозяйство было въ исправности,—только недоставало хозяевъ дома. Куда же они дѣвались? толковали промежъ себя путешественники. Нѣсколько времени спустя они случайно узнали, что китайцы, жившіе въ этой „звѣровой" усадьбѣ, отправились въ лѣсъ, кто на охоту, а кто по дрова; тамъ они повстрѣчались съ тигромъ, который растерзалъ ихъ... Такіе случаи—не въ рѣдкость.

Только одни китайцы-хлѣбопашцы живутъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ круглый годъ; что же касается до промышленниковъ: охотниковъ, рыболововъ и др., то они селятся тамъ только на время промысловъ и по окончаніи работъ возвращаются къ себѣ на родину.

Всѣ вообще китайцы живутъ тамъ безъ женъ и семействъ, которыя остаются на родинѣ, въ

Китаѣ, потому что по ихъ законамъ женщинамъ нельзя уходить за границу своего отечества.

Дома свои китайцы строятъ чаще всего глинобитные на деревянномъ остовѣ, но иногда и плетневые, обмазанные глиною и выбѣленные известью; крышу ставятъ камышевую или соломенную двухскатную; окна въ домахъ дѣлаютъ большія, но рамъ не стеклятъ, а заклеиваютъ промасленною жиромъ бумагой. Внутри дома обыкновенно не разгорожены стѣнами на комнаты, а состоятъ изъ одного большаго помѣщенія, въ углу котораго стоитъ печь. Дымъ изъ нея проходитъ по трубѣ, проведенной вдоль внутреннихъ стѣнъ, и черезъ крышу выводится наружу. Надъ этими трубами устраиваютъ нары для сидѣнья и ночлега, покрывая ихъ искусно сплетенными изъ тростника ковриками; это—самое теплое мѣсто въ домѣ. Полъ въ домахъ земляной; посреди его дѣлаютъ очагъ, а иногда просто выкапываютъ яму, гдѣ день и ночь тлѣютъ угольки. Потолка не дѣлаютъ, а вмѣсто него сажени на полторы отъ земли кладутъ нѣсколько поперечныхъ жердей, на которыя вѣшаютъ всякія хозяйственныя вещи: оставленную на сѣмена кукурузу, старые башмаки, шкуры уби-

тыхъ животныхъ, одежду и проч. Не помѣстившееся на жердяхъ, а также и всѣ съѣстные припасы, какъ-то: лукъ, чеснокъ и проч., хранятся тутъ-же по угламъ. Не смотря на то, что китайцы часто настежь раскрываютъ двери своихъ жилищъ, вонь въ ихъ домахъ отъ шкуръ, старой одежды, дыма и чада нестерпимая... Зажиточные китайцы въ своихъ домахъ ставятъ перегородки, которыя отдѣляютъ мѣсто, занимаемое хозяиномъ, отъ жилья рабочихъ.

Около домовъ, на опрятно содержимыхъ дворахъ стоятъ разныя хозяйственныя постройки: загоны для скота, амбары, клѣти, а у богачей нерѣдко встрѣчаются даже и крупчатки.

Вѣроятно, потому, что въ Китаѣ всякая кража наказывается смертною казнью, въ домахъ китайцевъ не полагается замковъ. Когда хозяинъ уходитъ изъ дому, то только отъ хищныхъ звѣрей подпираетъ дверь коломъ.

Если зашедшій въ его отсутствіе землякъ захочетъ ѣсть, то беретъ изъ котла, всегда стоящаго въ печи, варенаго проса, изъ склада съѣстныхъ припасовъ—чесноку, луку, краснаго перцу, наѣдается въ волю и ложится спать. Отдохнувъ, гость, согласно ихъ обыча-

ямъ, принимается за работу въ огородѣ или по дому: колетъ дрова, оббираетъ коноплю, которую китайцы не мнутъ, какъ мы русскіе, а, размочивъ сперва въ горячей водѣ, обдираютъ руками.

Такъ какъ китайцы народъ очень терпѣливый, трудолюбивый, выносливый, предпріимчивый, при томъ почти всѣ грамотны и такъ какъ они старожилы края, то не удивительно, что они не только съ успѣхомъ занимаются тамъ хлѣбопашествомъ, но и захватили съ свои руки всю торговлю края и его промыслы.

Китайское терпѣніе особенно замѣтно при ихъ занятіяхъ хлѣбопашествомъ. Они обрабатываютъ свои хлѣбныя нивы такъ тщательно, какъ русскіе обрабатываютъ огородныя грядки. Не удивительно, что урожаи у нихъ всегда бываютъ прекрасные, между тѣмъ какъ зерна на посѣвъ они употребляютъ гораздо менѣе, чѣмъ русскіе. Такъ, китайцы, напр., высѣваютъ на десятину по 7 п. пшеницы, по 6 п. яровой ржи, по 3 п. ячменя и по 3 п. гречихи, а русскіе на такую же ниву затрачиваютъ по 5 п. гречихи и по 9 п. всякаго остальнаго зерна. Конечно, не одному терпѣнію и тщательной обработ-

къ поля китайцы обязаны своими урожаями: много помогаетъ имъ и то обстоятельство, что они хорошо знаютъ край, въ которомъ живутъ, и вообще толково ведутъ свое хозяйство.

Уже давно замѣтили они, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, отъ частыхъ тумановъ и дождей, а также отъ громадныхъ лѣсовъ, болотъ и рѣкъ, сырости больше, чѣмъ нужно для хлѣбопашества, и что корни хлѣбныхъ растеній отъ этого иногда загниваютъ, и потому они стали окапывать свои хлѣбныя нивы рвами, куда отводится лишняя вода, и самый посѣвъ дѣлать рядками „бороздками“.

Такъ-же давно замѣтили они, что лѣто въ Южно-Уссурійскомъ краѣ не въ мѣру сыро, и сѣютъ свой хлѣбъ съ такимъ разсчетомъ, что онъ у нихъ въ дождливое время только ростетъ, поспѣваетъ же раннею осенью, когда устанавливается теплая и ясная погода.

Главная пища китайцевъ—просо; изъ него же выдѣлывается и водка. Остальнаго хлѣба они сѣютъ меньше, предпочитая занимать свои нивы рисомъ, горохомъ, фасольею и бобами. Изъ огородныхъ растеній китайцы съ успѣхомъ разводятъ баклажаны, капусту, перецъ, чеснокъ,

лукъ, коноплю и масляничное растеніе кунжутъ. Изъ волоконъ конопли они приготовляютъ пряжу и вьютъ веревки, а изъ сѣмянъ конопли и кунжута выжимаютъ масло. Приготовленіе этого масла дѣлается на дому и очень простымъ способомъ: мелютъ сѣмена и выариваютъ ихъ въ водѣ, затѣмъ это варево выливаютъ въ мѣшокъ и кладутъ подъ камень. Жидкость процѣживается въ подставленный сосудъ; масло всплываетъ. Вкусомъ оно напоминаетъ подсолнечное.

Съ тѣмъ терпѣніемъ и умѣньемъ, съ какимъ китайцы обрабатываютъ землю, они ухаживаютъ и за своимъ рабочимъ скотомъ. Они работаютъ какъ на лошадяхъ, такъ и на волахъ. Мѣстная порода скота въ Южно-Уссурійскомъ краѣ корейская. Она не крупна, но сильна, выносliва и привычна къ работѣ. Китайцы, зная, что этотъ скотъ требуетъ тепла и хорошей пищи, содержатъ его въ теплыхъ помѣщеніяхъ и кормятъ сѣчкою съ размолотыми бобами; заботятся они также и о томъ, чтобы защитить его отъ „гнуса“, и китайскій скотъ работаетъ исправно и не пропадаетъ.

Кромѣ хлѣбопашества и огородничества, ки-

тайцы также съ успѣхомъ занимаются торговлею и разными промыслами. Главнѣйшіе изъ нихъ: собираніе морской капусты и морскаго червя, добываніе соли изъ морской воды, рыболовство, охота, добываніе дубоваго гриба и корня растенія „жень-шень“.

Морская капуста—водяное растеніе (водоросль) изъ той же породы, что и наше малороссійское рѣчное растеніе—„куширъ“. На ловлю ея выѣзжаютъ въ море лодками, въ тихую погоду. Отъѣхавъ недалеко отъ берега, кидаютъ въ воду привязанныя къ веревкамъ длинныя палки съ желѣзными крючьями на концахъ, стараясь при этомъ захватить „капусту“, которая обыкновенно приростаетъ къ камнямъ, лежащимъ на морскомъ днѣ. Выловленную такимъ способомъ „капусту“ китайцы слегка высушиваютъ на солнцѣ, связываютъ въ пучки вѣсомъ въ 2 пуда и въ такомъ видѣ нагружаютъ ею корабли и отправляютъ для продажи въ Китай, гдѣ простой народъ покупаетъ ее себѣ въ пищу, платя по 1 р. за пудъ.

Эти же промышленники ловятъ морскаго червя „трепанга“; они сушатъ его и также продаютъ въ пищу на родину. Червякъ этотъ сѣ-

раго цвѣта и величиною въ полъ аршина; по словамъ китайцевъ, онъ очень вкусенъ.

Работая около моря, эти промышленники занимаются временами еще и добываніемъ соли изъ морской воды. Они выпариваютъ ее сперва просто на солнцѣ, а потомъ разсолъ переливаютъ на чугунныя сковороды, гдѣ соль на медленномъ огнѣ окончательно просушивается.

Такъ какъ этой соли они добываютъ сравнительно немного, то она почти вся потребляется на мѣстѣ, частію въ пищу, а частію для солки той рыбы, которая ловится ими въ морѣ, въ озерахъ и многочисленныхъ рѣкахъ Южно-Уссурійскаго края и также увозится для продажи въ Китай.

Грибной промыселъ состоитъ въ томъ, что китайцы рубятъ дубовыя деревья и, когда на поваленныхъ гніющихъ стволахъ выростаютъ грибы, собираютъ ихъ, сушатъ и затѣмъ продаютъ въ Китай также для пищи. Изъ-за этого промысла китайцы повалили не одну, а много тысячъ прекрасныхъ дубовъ. Для сохраненія лѣсовъ теперь этотъ промыселъ запрещенъ.

Множество китайцевъ занято охотою на звѣрей, скупкою звѣриныхъ шкуръ у другихъ на-

родовъ, живущихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, и торговлею „пантами“, т. е. рогами молодыхъ оленей. Для добыванія „пантовъ“ китайцы бьютъ молодыхъ оленей весною или лѣтомъ, ловятъ ихъ засадами и выдерживаютъ въ стойлахъ до тѣхъ поръ, пока у тѣхъ спадутъ старые рога и замѣнятся новыми. Тогда они убиваютъ оленей и за пару молодыхъ роговъ особеннымъ, имъ однимъ извѣстнымъ, способомъ высушенныхъ, они получаютъ въ Китаѣ до 300 р. с.; эти „панты“ употребляются тамъ въ лекарство.

Не мало китайцевъ, живущихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, занято добываніемъ корня рѣдко встрѣчающагося растенія „жень-шень“. Этотъ корень тоже употребляется въ Китаѣ, какъ лекарство, и цѣнится страшно дорого: около тысячи рублей за фунтъ. Растетъ „жень-шень“ въ самыхъ глубокихъ горныхъ ущельяхъ, въ ярахъ, подъ камнями, подъ колодами упавшихъ деревьевъ, и добывать его очень трудно. Китайцы научились разводить это растеніе у себя на огородахъ; но корень такого „жень-шеня“ цѣнится гораздо дешевле дико растущаго, всего 50—60 руб. за фунтъ. Чтобы вырастить корень

„жень-шеня“ на огородной грядкѣ, нужно знать не только, какъ слѣдуетъ ухаживать за нимъ, но еще и имѣть китайское терпѣніе. Это растеніе требуетъ много заботъ о немъ, растетъ медленно и только на 4 годъ годно въ употребленіе. Чѣмъ старѣе корень, тѣмъ дороже цѣнится онъ.

На всѣ свои работы и промыслы китайцы не нанимаютъ русскихъ рабочихъ, потому что, во-1-хъ, русскіе не идутъ къ нимъ работать за такую дешевую плату, какъ земляки, во 2-хъ, потому, что русскіе рабочіе брезгаютъ неопрятностью въ ихъ жилищахъ и ихъ любимою пищею: морскою капустою, червемъ „трепангою“, „дубовымъ грибомъ“ и проч. и въ 3-ихъ, потому, что русскіе рабочіе относятся къ нимъ, какъ вообще къ „нехристямъ“.

Вотъ между прочимъ образчикъ страннаго вкуса въ пищѣ китайцевъ.

Заѣхалъ однажды русскій путешественникъ съ солдатомъ на ночлегъ въ одну изъ китайскихъ усадьбъ. Хозяинъ сначала не особенно любезно принялъ ихъ, но за тѣмъ, когда разговорились, сталъ ласковѣе. Увидѣвши у гостя стеариновыя свѣчи, китаецъ попросилъ дать ему небольшой огарокъ. Путешественникъ далъ. Ки-

таецъ тотчасъ же принялся ѣсть его, откусывая понемногу, словно вкусную конфекту, и всякій разъ приговаривая по-своему: „хорошо, очень даже хорошо...“ Послѣ этого путешественникъ предложилъ хозяину отвѣдать мыла. Китаецъ нарѣзалъ его кусочками и съѣлъ одинъ изъ нихъ съ полнымъ удовольствіемъ. Подъ конецъ китаецъ взялъ въ ротъ мыла и стеарина, разжевалъ все это потихоньку и съѣлъ, не переставая расхваливать. Солдатъ при видѣ всего этого расхохотался и громко воскликнулъ: „ишь жретъ всякую мерзость! Такъ и видно,— нехристъ!“

Китайцы дѣйствительно не христіане, а язычники; вмѣсто церквей они строятъ себѣ молельни, гдѣ стоятъ мѣдныя изображенія ихъ боговъ, „бурхановъ“, и разныя жертвоприношенія: зерно, булочки, полотенца съ надписями и ленты; здѣсь же обыкновенно стоитъ желѣзная чаша для огня, который они зажигаютъ во время моленія.

Китайцы до того крѣпко держатся своей вѣры, своихъ обычаевъ и своихъ законовъ, что про нихъ составилась даже пословица: какъ камень всегда останется камнемъ, такъ и китаецъ всегда останется китайцемъ.

Корейцы съ незапамятныхъ временъ населяли Южно-Уссурійскій край, но въ 668 году послѣ Рождества Христова были выгнаны оттуда манджурами; снова селиться тамъ они стали уже съ 1864 г., когда этотъ край заняли Русскіе.

Корейцевъ болѣе тысячи дворовъ. Они также живутъ отдѣльными усадьбами, но со своими семействами. Корейцы тоже хорошіе хлѣбопашцы; поля у нихъ хорошо обработаны, а возлѣ домовъ, которые нѣкоторые изъ нихъ строятъ на китайскій ладъ—другіе на русскій, всегда есть теплый сарай для скота, птичникъ, конная мельница и др. хозяйственныя приспособленія.

Корейцы той же вѣры, что и китайцы. Они такъ же, какъ и китайцы, не ѣдятъ говядины и даже не доютъ коровъ, потому что по ихъ вѣрѣ грѣхъ употреблять въ пищу ту скотину, которая на тебя работаетъ. Для мясной пищи корейцы, какъ и китайцы, разводятъ множество свиней.

Одѣваются корейцы въ такое же платье, какъ и китайцы, только далеко опрятнѣе. Это народъ очень трудолюбивый, терпѣливый, но не особенно сильный. Русскіе переселенцы не любятъ нанимать корейцевъ на работу, увѣряя, что кореецъ больше съѣстъ, чѣмъ наработаетъ.

Не смотря на свою малосильность, корейцы занимаются исключительно хлѣбопашествомъ. Въ прежнее время они пахали только на быкахъ, теперь же научились у русскихъ крестьянъ—переселенцевъ работать и на лошадяхъ. Корейцы скоро выучиваются русскому языку, подъ часъ перенимаютъ русскіе обычаи, а нѣкоторые изъ нихъ даже охотно крестятся въ христіанскую вѣру. Ничего этого нельзя сказать про ихъ единовѣрцевъ,—китайцевъ.

Гольды издавна живутъ по берегамъ рѣки Уссури и строятъ свои дома, какъ китайцы. Такъ какъ гольды не хлѣбопашцы, а охотники и рыболовы, то вокругъ ихъ жилищъ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ построекъ, кромѣ амбара на высокихъ стоянахъ (для защиты отъ крысъ); въ этихъ амбарахъ гольды сохраняютъ запасы сухого мяса и рыбы.

Гольды живутъ поселками въ 3—10 домовъ. Это—народъ тихій, миролюбивый. Они тоже нехристіане, промежъ собою живутъ очень дружно, и старики у нихъ пользуются большимъ почетомъ. Жены ихъ занимаются домашними работами и ухаживаньемъ за дѣтьми, а также огородиною. На своихъ грядкахъ онѣ садятъ бо-

лѣе всего табакъ, такъ какъ у гольдовъ его курятъ не только мужчины и женщины, но даже и малыя дѣти. Остальныя овощи родятъ у нихъ не важно, потому что онѣ небрежно ухаживаютъ за ними, и служатъ скорѣе лакомствомъ для дѣтей, чѣмъ подмогою въ пищѣ.

Лѣтомъ, весною и осенью гольды занимаются рыбною ловлею и живутъ дома; но какъ только замерзнутъ рѣки и земля покроется снѣгомъ, они оставляютъ свои семейства и, снарядившись, какъ слѣдуетъ, отправляются въ горы на охоту; ѣдутъ въ легкихъ, узкихъ саночкахъ, гдѣ лежитъ провизія и все необходимое; вмѣсто лошадей впрягаютъ охотничьихъ собакъ. Ѣдучи на охоту, гольды берутъ изображенія своихъ боговъ („бурхановъ“). Отправляясь на промыселъ, они каждый разъ усердно молятся имъ и, если охота была удачна, устраиваютъ въ честь ихъ благодарственныя моленія, при чемъ брызгаютъ на своихъ боговъ водкою и мажутъ ихъ саломъ и вареннымъ просомъ.

Возвратившись домой, гольды въ свободное отъ своихъ промысловъ время занимаются витьемъ толстыхъ веревокъ для обшивки своихъ рыболовныхъ снастей. Матеріаломъ для этого имъ

служатъ липовое и ивовое мочало, а также крапива, стебли которой они сперва вымачиваютъ, а затѣмъ растрепываютъ. Покончивъ съ этою работою, они помогаютъ женамъ въ хозяйствѣ, точатъ для нихъ чашки изъ еловаго дерева, мастерятъ колыбели для дѣтей и т. п.

Ороч или *Тазы* чаще всего встрѣчаются невдалекѣ отъ Японскаго моря; часть изъ нихъ живетъ осѣдло—домами,—остальные ведутъ бродячую жизнь.

Осѣдлые орочи живутъ въ домахъ, построенныхъ на китайскій ладъ. Они, какъ и гольды, не занимаются земледѣліемъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу, зимою же бьютъ звѣря.

Жены орочей занимаются приготовленіемъ пищи, уходомъ за дѣтьми и вышиваніемъ своихъ нарядовъ. У щеголихи жены ороченца вышитъ не только кисетъ для табаку, но и воротъ шубы; вообще-же женщины—ороченки очень любятъ наряжаться:—онѣ носятъ на рукахъ мѣдныя кольца, стеклянные браслеты, головы убираютъ разными бубенчиками и побрякушками, которые при малѣйшемъ движеніи звенятъ; а серьги носятъ не только въ ушахъ, но и въ правой ноздрѣ.

Бродячіе орочи — настоящіе дикари — охот-

ники: всю жизнь они скитаются со своими семьями съ мѣста на мѣсто. Жилищемъ ихъ служитъ шалашъ, состоящій изъ нѣсколькихъ жердей, воткнутыхъ въ землю и до верху прикрытыхъ берестою. Вверху оставляется отверстіе, куда выходитъ дымъ отъ огня, разводимаго на очагѣ среди шалаша.

„Во время своихъ странствованій по Южно-Уссурійскому краю“ разсказываетъ одинъ почтенный путешественникъ, — „мнѣ нѣсколько разъ случалось встрѣчать одинокія становища этихъ бродягъ, и я всегда съ любопытствомъ заходилъ къ нимъ“.

„Обыкновенно вся семья сидитъ полу-голая вокругъ огня, разложеннаго по срединѣ шалаша, до того наполненнаго дымомъ, что съ непривычки почти невозможно открыть глаза. Тутъ-же валяются звѣриныя шкуры, рыболовные снаряды, разная рухлядь, и рядомъ съ малыми дѣтьми лежатъ охотничьи собаки“...

Одежду орочи—дикари шьютъ изъ звѣриныхъ шкуръ, а всю домашнюю утварь дѣлаютъ изъ бересты.

Такъ какъ орочи, какъ и гольды, народъ темный, то китайцы сильно обижаютъ ихъ, заби-

рая всю ихъ добычу въ обмѣнъ на порохъ, свинецъ, хлѣбъ, табакъ, просо, соль и др. припасы, которые во время отсутствія мужей забираются у нихъ въ долгъ гольдскими и орочскими женами. Отъ такой мѣновой торговли китайцы богатѣютъ, а гольды и орочи частенько живутъ впроголодь.

Японцы встрѣчаются только въ г. Владивостокѣ и занимаются тамъ ремеслами и торговлею.

Итакъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ на 8 милліоновъ десятинъ земли всего съ русскими 60 тысячъ жителей. Это такъ мало, что край этотъ и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ похожъ на пустыню. Городовъ въ немъ всего только одинъ— Владивостокъ, основанный русскими не много болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ на берегу моря. Такъ какъ онъ стоитъ въ „туманной“ сторонѣ края, неудобной для хлѣбопашества, то поэтому ближайшее отъ него селеніе лежитъ въ 60 верстахъ. Въ настоящее время отъ него строится первая въ томъ краѣ желѣзная дорога, которая со временемъ протянется черезъ всю Сибирь и и сильнѣе соединитъ этотъ край съ Россіей.

Владивостокъ построенъ на такомъ мѣстѣ, которое считается лучшимъ въ Сибири для подхода кораблей и другихъ судовъ и ихъ стоянки.

Онъ съ трехъ сторонъ окруженъ горами, покрытыми дремучими лѣсами. Отъ непріятеля городъ защищенъ заложенными около него въ водѣ „торпедами“, которыя могутъ взорвать всякій непріятельскій корабль; свободно подплывать къ Владивостоку разрѣшается только такимъ судамъ, на которыхъ лоцманомъ русскій офицеръ. Въ этомъ городѣ помѣщается переселенческое управленіе, и живутъ начальники края.

Кромѣ этого города, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ насчитываютъ около 120 селъ, деревень и станицъ и нѣсколько сотенъ отдѣльныхъ хуторовъ, одиноко стоящихъ избушекъ и китайскихъ усадьбъ.

Глава 3-я.

Переселенцы.

Старѣйшія и самыя богатыя села края—Турій рогъ, Троицкое и Астраханское. Они лежатъ по берегамъ озера „Ханка“ (Средиземное море) и населены первыми русскими переселенцами, государственными крестьянами изъ Воронежской, Астраханской и Тамбовской губ. Этихъ крестьянъ въ 1860 году казна переселила изъ

Россіи на Амуръ; но такъ какъ имъ попалась земля неудобная для хлѣбопашества, то ихъ перевели въ Южно-Уссурійскій край.

Эти переселенцы заняли лучшія мѣста, такъ называемую „вольную степь“. Земля эта очень хороша для хлѣбопашества и покрыта невысокою превосходнаго качества степною травою.

Получая хорошіе урожаи хлѣба, пользуясь богатыми пастбищами для лошадей и рогатаго скота и затѣмъ занимаясь бахчами и огородами, а въ свободное время ловлею въ озерѣ рыбы на продажу,—жители этихъ селъ живутъ въ полномъ довольствѣ.

По этой „вольной степи“ проходитъ почтовая дорога; по ней въ 20—30 верстахъ одна отъ другой расположены станціи. Этими станціями завѣдываютъ давно поселенные при нихъ казаки; ихъ обязанность—возить почту и проѣзжающихъ

Кромѣ этихъ казаковъ, казною поселено было нѣсколько сотъ солдатъ изъ числа штрафованныхъ и такихъ, которые по окончаніи службы захотѣли остаться въ краѣ, а также ссыльнопоселенцевъ, т. е. каторжниковъ, отбывшихъ срокъ своего наказанія.

Весь этотъ народъ былъ поселенъ станицами по берегамъ рѣки Уссури и дальше по границѣ для защиты края отъ сосѣднихъ народовъ: китайцевъ, японцевъ, манджуровъ и др.

Эти станицы расположены въ 10—25 верстахъ одна отъ другой и построены по казенному плану. Большая часть изъ нихъ состоитъ изъ одной улицы съ версту длиною, по которой справа и слѣва расположены дома и дворы.

По всѣмъ станицамъ, какъ и въ старыхъ селахъ, есть церкви, и въ праздничные дни собираются базары.

Всѣ эти поселенцы такъ-же, какъ и крестьяне, занимаются хлѣбопашествомъ; но оно ведется у нихъ не совсѣмъ успѣшно. Земля, выпавшая на ихъ долю, не вездѣ удобна для земледѣлія: мѣстами она затопляется полою водою, а мѣстами покрыта высокою, но грубою болотною травою, вредною для корма скота.

Такъ какъ поселенцы, живущіе по станціямъ большой дороги и по пограничнымъ станицамъ, несутъ казенную службу: возятъ почту и проѣзжающихъ, а также охраняютъ границу государства, то казна въ виду ихъ бѣдности почти ежегодно даетъ имъ вспомоществованіе.

Чтобы скорѣе заселить вновь завоеванный край русскими крестьянами хлѣбопашцами, казна 13 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1883 г. снарядила *на свой счетъ* партію переселенцевъ изъ крестьянъ Черниговской и другихъ губ. и отправила ихъ, въ первый разъ пароходомъ, черезъ Одессу во Владивостокъ.

При помощи переселенческаго управленія партія эта прекрасно устроилась на новыхъ мѣстахъ и образовала тамъ нѣсколько селъ и поселковъ. Послѣ этого казна двинула изъ Россіи еще нѣсколько партій такихъ же переселенцевъ.

Короче сказать, съ 1862 г. по 1885 г. *казна переселила на свой счетъ* въ Южно-Уссурійскій край нѣсколько тысячъ безземельныхъ крестьянъ. Всѣ они поселены были частью около озера, частью по рѣчнымъ долинамъ. Какъ и первымъ поселенцамъ, имъ, конечно, достались лучшія земли; они образовали 30 селеній.

Всѣ эти переселенцы наравнѣ съ первыми *получили отъ казны, кромѣ дарового проѣзда, пособія, ссуды и разныя льготы,* но не всѣ одинаково трудолюбиво принялись за свое хозяйство.

Нѣкоторые изъ нихъ были родомъ изъ та-

кихъ мѣстъ, гдѣ надѣлы были такъ плохи, что негдѣ было ни посѣять хлѣба, ни выпасти скотину. Еще отцы этихъ крестьянъ махнули рукою на свои земли и стали кормиться отхожими промыслами; дѣти же ихъ совсѣмъ отбились отъ деревни и потому отвыкли отъ тяжелаго, упорнаго труда хлѣбопашца. Многіе изъ этихъ крестьянъ, переселяясь въ новый край, не умѣли держать косы въ рукахъ. Переселились они въ надеждѣ на то, что тамъ можно будетъ безъ труда ѣсть готовый хлѣбъ. Такіе переселенцы и до сихъ поръ живутъ бѣдняками...

Въ 1885 году изданъ былъ новый законъ, по которому переселяться въ Южно-Уссурійскій край можно, но *не на казенный счетъ, а на свой собственный* *).

Правомъ на такое переселеніе пользуются тѣ лишь семьи, которыя, продавъ свое имущество, или пріобрѣтя другимъ способомъ, будутъ имѣть деньги, необходимыя для уплаты за проѣздъ отъ мѣста ихъ жительства до г. Одессы и далѣе пароходомъ до Южно-Уссурійскаго города Вла-

*) Циркуляръ Полтавскаго губернатора по Губернскому присутствію № 40 № (393) отъ 19-го іюля 1892 г. гг. земскимъ начальникамъ Полтавской губ.

дивостока и, кромѣ того, будутъ имѣть свободныхъ денегъ не менѣе 600 руб. на семью.

Одинокіе, не семейные переселенцы не засчитываются въ число окончательно переселившихся, а считаются „ходоками“; такіе „ходоки“ не получаютъ по прибытіи на мѣсто ссуды отъ казны, которая выдается только окончательно переселившимся семьямъ.

Чтобы не пропустить срока, желающіе переселяться весною, должны съ осени не позже, какъ за недѣлю до Михаила (1-го ноября), заявить о своемъ намѣреніи мѣстному земскому начальнику, представивъ при этомъ свѣдѣнія изъ волости о томъ, изъ скольких человѣкъ состоитъ переселяющаяся семья, и какова стоимость ея имущества. Требуется это въ виду того, что иногда по усмотрѣнію высшаго начальства дается разрѣшеніе на переселеніе и такимъ семьямъ, которыя, кромѣ проѣздной платы, могутъ представить только 300 р. с. Семьямъ, имѣющимъ для этого менѣе 300 р., переселеніе ни въ какомъ случаѣ *не разрѣшается*.

Деньги, которыя нужны на проѣздъ отъ Одессы до г. Владивостока, и тѣ, которыя берутся для обезпеченія переселяющейся семьи,—отдают-

ся подъ росписку мѣстному земскому начальнику, который уже самъ пересылаетъ часть ихъ въ г. Одессу пароходному начальству, а остальныя отправляетъ во Владивостокъ въ переселенческое управленіе, отъ котораго переселенческая семья обратно получаетъ ихъ сейчасъ же, какъ только пріѣдетъ во Владивостокъ.

Обезпеченіе это берется вотъ съ какимъ разсчетомъ. Извѣстно, что на продовольствіе до новаго урожая въ Южно-Уссурійскомъ краѣ нужно на среднюю крестьянскую семью 216 руб., на приварокъ кладутъ 60 руб., пара воловъ и корова стоятъ тамъ 240 руб., остальныя деньги необходимы на хозяйственныя орудія и др. расходы.

Переселяясь такимъ путемъ въ Южно-Уссурійскій край, каждый переселенецъ имѣетъ право взять съ собою на пароходъ *даромъ 2 пуда* поклажи; за остальную онъ платитъ по 1 р. 40 к. съ пуда.

Вся поклажа переселенца складывается какъ можно тѣснѣе, потому что на пароходѣ при платѣ идетъ въ разсчетъ не только вѣсъ тюка, но и его объемъ. Поэтому громоздкихъ вещей переселенцы не берутъ. Они находятъ выгод-

нымъ брать съ собою колесные скаты (станы), окованные желѣзомъ, огороднія и др. сѣмена, одежду, бѣлье, обувь, желѣзную утварь, желѣзныя части плуговъ, боронъ, косъ, серповъ и другихъ полевыхъ орудій, рыболовныя сѣти и инструменты ремеслъ,—такъ какъ всѣ эти вещи въ Южно-Уссурійскомъ краѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Россіи.

Стоимость проѣзда съ харчами отъ г. Одессы до г. Владивостока теперь такая:

Переселенцы взрослые, отъ 10 лѣтъ, платятъ за свой билетъ . . . . . 90 р. — к.
малолѣтніе, отъ 2 л. до 10 лѣтъ, 45 „ — „
моложе двухъ лѣтъ . . . . . 22 „ 50 „

Переселившіеся крестьяне получаютъ отъ казны участокъ земли, приблизительно въ 100 десятинъ на семью, въ постоянное, безсрочное пользованіе, но ни продавать, ни закладывать его не имѣютъ права. На эту землю имъ выдается бумага, въ которой обозначается, сколько десятинъ въ участкѣ и съ чѣмъ онъ граничитъ. Получившій участокъ обязывается въ продолженіи 5 лѣтъ непремѣнно обстроиться и начать обрабатывать землю.

Селенія и поселки переселившихся крестянъ

построены въ Южно-Уссурійскомъ краѣ частью на велико-русскій, частью на мало-русскій ладъ. Великороссы и тамъ, какъ у себя на родинѣ, живутъ въ бревенчатыхъ избахъ, а малороссы и тамъ не могутъ разстаться съ плетневыми хатами, обмазанными глиною и тщательно выбѣленными.

Всю свою домашнюю утварь хозяйки любятъ разставлять въ томъ порядкѣ, къ которому привыкли у себя на родинѣ. Такъ же, какъ и въ Россіи, главный уголъ занятъ иконами, передъ которыми подъ праздникъ теплится лампадка, тѣ же картины висятъ по стѣнамъ, та же посуда виднѣется на полочкахъ.

Большинство переселенцевъ старается разводить садики около своихъ жилищъ, куда пересаживаютъ изъ лѣсовъ дикія яблони, груши и виноградъ. Многіе изъ старожиловъ уже ѣдятъ съ этихъ деревьевъ плоды, которые по ихъ словамъ слаже, крупнѣе и вкуснѣе лѣсныхъ; но вообще, къ сожалѣнію, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ еще очень мало садовъ, почему большинство селъ и поселковъ кажутся скучными, некрасивыми. Даже у малороссовъ, у которыхъ на родинѣ около хаты всегда есть хоть корявая верба, хоть нѣсколько кустовъ бузины или хоть

грядка съ яркоцвѣтущими гвоздиками и „рожами“, даже и у тѣхъ около хатъ голо, и только стоятъ необходимыя хозяйственныя постройки. Новоселовъ нельзя и винить: въ заботахъ на новыхъ мѣстахъ о насущномъ хлѣбѣ, объ отопленіи, объ огородинѣ некогда ухаживать за садами и цвѣтами.

Все русское населеніе края занимается исключительно хлѣбопашествомъ. Подмогою земледѣлію служатъ бахчи, огороды, извозъ, охота, рыболовство, да работа на заводахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они имѣются. Заводовъ пока очень мало, всего 7 паровыхъ мукомольныхъ мельницъ, 5 паровыхъ лѣсопилокъ, 2 пивоваренныхъ завода, да нѣсколько известковыхъ и кирпичныхъ.

Проработавъ цѣлую недѣлю, переселенцы, какъ и крестьяне, живущіе въ Россіи, рады воскресному дню или празднику, который они чтутъ и проводятъ по обыкновенію. Если есть въ селѣ или неподалеку церковь, то не только старики и старухи, но и мододежь усердно посѣщаютъ ее, прибираясь для этого въ праздничныя одежды. Послѣ обѣда и небольшаго отдыха, старшіе обыкновенно выходятъ посидѣть на

завалинки, гдѣ толкуютъ про разныя хозяйственныя дѣла, вспоминаютъ покинутую родину..., а молодежь выходитъ на улицу погулять.

Нѣкоторые парни завезли туда гармоники и играютъ на нихъ, другіе тренькаютъ на балалайкѣ, дѣвушки поютъ и водятъ хороводы....

Обо всемъ этомъ мы много разъ слышали отъ людей, побывавшихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, видѣвшихъ житье—бытье переселенцевъ и долго бесѣдовавшихъ съ ними, а также знаемъ это изъ писемъ переселенцевъ къ роднымъ и знакомымъ.

Отъ этихъ людей мы знаемъ, что, какъ и вездѣ на свѣтѣ, такъ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, есть люди зажиточные и есть голые бѣдняки; есть переселенцы, довольные своею судьбою, есть и такіе, что клянутъ свою жизнь.

Зажиточно и въ полномъ довольствѣ живутъ въ краѣ заправскіе хлѣбопашцы,—умные, трудолюбивые крестьяне и казаки. Они работаютъ, не покладая рукъ, трудятся до седьмаго пота и богатѣютъ. Усадьбы ихъ окружены изгородью, около домовъ за садиками виднѣются хозяйственныя службы, во дворѣ много всякой живности, бабы и дѣти у нихъ здоровыя и одѣты

опрятно. Разговорившись съ такимъ переселенцемъ, услышишь, что совсѣмъ хорошо было бы тамъ жить, если бы только было побольше церквей и школъ, гдѣ могли бы обучаться ихъ дѣти, докторовъ, больницъ, былъ бы поблизу городъ, куда можно было бы во всякое время сбывать сельскія произведенія, да подешевѣли бы желѣзо, ситецъ, водка, посуда и разные фабричные и заводскіе товары.

Отъ такихъ же почтенныхъ хозяевъ слышится подъ часъ жалоба на частый перородъ зерна. Привезутъ изъ Россіи хорошее зерно, а черезъ 2—3 года оно выраждается: даетъ меньшіе урожаи и дѣлается негоднымъ для посѣва. Такъ-же часто перераждаются тамъ огороднія сѣмена и конопля. Кромѣ перерода зерна, на тамошній хлѣбъ иногда нападаетъ „пьяный грибокъ“. Человѣкъ, поѣвшій такого „пьянаго хлѣба“, отравляется, какъ отъ дурману и бѣлены; даже лошади не ѣдятъ „пьянаго“ овса. При промываніи „пьяное“ зерно, какъ наиболѣе легкое, всплываетъ на верхъ; но такая очистка хлѣба очень хлопотлива.

Кромѣ этихъ жалобъ, совершенно справедливыхъ и заслуживающихъ полнаго вниманія,

часто приходится выслушивать отъ неудачниковъ переселенцевъ совершенно неосновательные сѣтованія.

„Чего нарѣзали намъ“, жалуются они;—„дремучаго лѣса, да горъ! Обѣщали ровной земли, а дали одни камни! И десяти десятинъ путной не наберется!“

Жалобы эти неосновательны потому, что „обѣщать“ ровную землю переселенцамъ могли только тѣ странники, которые, шатаясь по деревнямъ, разсказываютъ крестьянамъ, что бывали въ „Зеленомъ клину“ и *своими* глазами видѣли тамъ рѣки, текущія молокомъ, горы золотыя и прочія небылицы...

Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ законъ о томъ, что крестьяне могутъ переселяться въ Южно-Уссурійскій край только на свой собственный счетъ, казна не сама выбираетъ мѣста для поселенія, а нарѣзываетъ участки земли въ томъ мѣстѣ, гдѣ укажутъ сами переселенцы, если только, конечно, эта земля не принадлежитъ прежде осѣвшимъ на ней людямъ.

Неудовольствія и жалобы иногда происходятъ еще и вотъ по какой причинѣ. Лучшія, плодороднѣйшія мѣста, такъ называемая „вольная степь“,

какъ уже сказано, заняты прежними жителями: китайцами, корейцами и первыми крестьянами и казаками—переселенцами. У этихъ переселенцевъ дѣйствительно и теперь есть свободныя, еще не обрабатываемыя ими земли; но за приписку къ такимъ обществамъ и за пользованіе этою землею староселы требуютъ обыкновенно съ вновь пришедшихъ плату, которая въ иныхъ мѣстахъ доходитъ до 100 р. съ семьи.

Чтобы не платить этихъ денегъ, новоселы располагаются по свободнымъ рѣчнымъ долинамъ, которыя здѣсь вообще не особенно широки и очень часто стѣснены горами и дремучими лѣсами.

Селиться отдѣльными хуторами и усадьбами наши переселенцы тамъ не любятъ; жутко жить одиноко на чужой сторонѣ, да пожалуй и не совсѣмъ безопасно при нападеніи дикаго зверя или злаго человѣка. Обыкновенно—пріѣхавшая партія крестьянъ осѣдаетъ селами, деревнями, цѣлыми обществами. Какъ уже извѣстно, Южно-Уссурійскій край—сторона гористая „звѣровый, болотяный, горовый край,“ какъ выражаются о немъ сами же малороссы. Такъ вотъ въ этомъ то гористомъ краю рѣшительно невозможно те-

перь нарѣзать въ одномъ цѣльномъ кускѣ нѣсколько тысячъ десятинъ совершенно ровной, пригодной для пахати земли. Поэтому въ отводимыхъ теперешнимъ переселенцамъ участкахъ попадается, конечно, не одинъ черноземъ, не только равнина, но и земли менѣе, а иногда и совсѣмъ неудобныя для хлѣбопашества и скотоводства: горы, болота, дремучіе лѣса.

Затѣмъ переселяющіеся крестьяне и козаки часто не знаютъ, что даже самый черноземъ Южно-Уссурійскаго края совсѣмъ не то же самое, что черноземъ Полтавской, Черниговской и другихъ русскихъ губерній. Самыя черноземныя земли Южно-Уссурійскаго края, какъ и всякая „новина,“ земли „жёсткія“ и „трудныя,“ какъ называютъ ихъ тамъ староселы. Надъ ними приходится много поработать, чтобы онѣ хорошо родилъ хлѣбъ. Въ первый годъ запашки, напримѣръ, на нихъ только и можно садить бахчу, огородину, да сѣять гречиху Другаго хлѣба лучше и не сѣй, потому что все равно заростетъ такою густою травою, что и сѣмянъ не соберешь.

Не даромъ опытные хозяева говорятъ, что въ Южно-Уссурійскій край, какъ и вообще въ Сибирь, надо идти съ запасомъ хлѣба на 4 года.

Слышатся жалобы на Южно-Уссурійскій край еще и отъ тѣхъ переселенцевъ, которые слишкомъ торопливо, безъ особеннаго вниманія, выбрали себѣ участки земли.

Умные и осторожные переселенцы, прежде чѣмъ осѣсть на извѣстное мѣсто, роютъ „пробныя“ ямы и по пластамъ земли, видимымъ по бокамъ ихъ, судятъ о качествѣ. При этомъ они подробно распрашиваютъ о землѣ ближайшихъ сосѣдей—староселовъ и затѣмъ уже сами внимательно разыскиваютъ, нѣтъ ли гдѣ вблизи выбраннаго мѣста остатковъ усадьбы ушедшихъ оттуда китайцевъ или хоть остатковъ тѣхъ „бороздокъ“, по которымъ въ прежнія времена китайцы сѣяли хлѣбъ. Примѣты эти очень важны, потому что, какъ сторожилы края и хорошіе хлѣбопашцы, китайцы очень рѣдко ошибаются въ выборѣ себѣ земли подъ усадьбу и пахать.

Съ такою осторожностію выбранный участокъ всегда оказывается удобнымъ какъ для жилья, такъ и для пахати; къ несчастью, не всѣ переселенцы слѣдуютъ этому и подъ часъ выбираютъ себѣ земли крайне торопливо и неосмотрительно.

Встрѣчаютъ, напримѣръ, переселенцы громад-

ное пространство, поросшее высокою, густою, сочною травою.—„Ну, братцы, и хлѣбъ же тутъ у насъ уродитъ. Вотъ развѣ бабамъ будетъ не подъ силу снопы носить“!.. и осѣдаютъ на такомъ мѣстѣ. Проживутъ годъ... и потянутся въ переселенческое управленіе съ прошеніями, чтобы имъ отвели другой участокъ. Окажется, что трава выросла такою отъ излишней сырости; для хлѣба такая земля совсѣмъ не годится, а усадьбъ нельзя строить потому, что вся эта долина весною и осенью заливаются полою водою.

Такое несчастіе случилось въ 1884 г., когда осенняя вода залила однихъ новоселовъ на сажень высоты.

Разливы Южно-Уссурійскихъ рѣкъ тѣмъ опаснѣе, что они бываютъ не каждый годъ, а временами. Смотришь, нѣсколько лѣтъ проходитъ безъ сильнаго наводненія. На берегахъ рѣки осѣдаютъ переселенцы; строится деревня, распахиваются поля ...; вдругъ весною, а еще чаще осенью, разливается рѣка и затопляетъ все: деревню, поля, губитъ все хозяйство переселенцевъ... Погорюютъ раззоренные и снимутся съ насиженнаго мѣста, гдѣ имъ казалось такъ удобно поселиться.

Такъ, къ сожалѣнію, нерѣдко неудачно выбираютъ себѣ земли переселенцы. Разсказываютъ, какъ однажды они прозѣвали хорошій свободный участокъ земли. Идутъ, видятъ: сколько глазомъ окинешь,—сплошное болото.—„Э! это намъ не подходитъ! Идемъ дальше!“ и ушли... Нѣсколько дней спустя, на то же самое мѣсто приходитъ партія китайцевъ. Помахали головами, потолковали по своему и заняли участокъ. Черезъ годъ онъ былъ окопанъ и прорѣзанъ рвами, а между ними получилась богатая жатва, такъ какъ участокъ только сверху былъ покрытъ водою, которая и стекла во рвы; подъ нею же оказался превосходный черноземъ, сдобренный болотнымъ иломъ... Теперь по этому участку разбросаны китайскіе усадьбы.

Хотя нѣкоторые новоселы и довольны доставшеюся имъ землею, но никакъ бѣдняги не примѣнятся, когда на ней что слѣдуетъ сѣять. Привыкли они у себя на родинѣ сѣять пшеницу и овесъ подъ „Благовѣщеніе“, а просо подъ „Юрія“, а еще чаще послѣ перваго „дождя“ и непремѣнно желаютъ такимъ же точно способомъ хозяйничать и въ „Зеленомъ клину“, а потомъ

и плачутся, потому что вмѣсто урожая получается одинъ убытокъ.

Одною изъ самыхъ частыхъ жалобъ нашихъ переселенцевъ—бываетъ жалоба на тамошній скотъ и лошадей и на дороговизну ихъ. Дѣйствительно, пара „русскихъ“ воловъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ стоитъ около 200 р., но за то пару „корейскихъ“ можно купить за 120 р.; только, какъ мы уже знаемъ, „корейскій скотъ“ требуетъ тщательнаго ухода за собою.

Не привыкли наши крестьяне да и козаки ко внимательному уходу за скотиною; какъ только попадутъ въ ихъ руки волъ, корова или лошадь корейской породы, такъ они и повернутъ ее по своему: поставятъ зимою въ холодную клѣть, а то и просто подъ навѣсъ, накормятъ ее прѣлымъ сѣномъ,—она, конечно, и околѣетъ!..

Среди множества напрасныхъ жалобъ новоселовъ есть одна, совершенно основательная,—это жалоба на тамошнія дороги.

Дѣйствительно хлопотливо и трудно перевозить новоселамъ матеріалы для своихъ построекъ. Лѣсу, куда ни глянешь,—много, да пока то его привезешь на мѣсто, такъ и воламъ шею намнешь, да и самъ выморишься!...

Вѣдь Южно-Уссурійскій край и до сихъ поръ еще страна дикая, мало населенная, и потому переселенцамъ очень часто приходится, вывозя изъ лѣсу дерево, самимъ прокладывать дороги къ выбранному подъ усадьбу мѣсту. До какой степени эти вновь проторенныя дорожки тяжелы для скота, можно видѣть изъ того, что обыкновенно въ одинъ возъ или повозку запрягаютъ 2 пары воловъ, 3 лошади, и все таки успѣваютъ проѣхать за цѣлый день не болѣе 10—15 верстъ. На слѣдующій годъ, когда новоселы больше ознакомятся съ новыми мѣстами, да кое-гдѣ перекинутъ мостики, кое-гдѣ сдѣлаютъ гати, выкопаютъ рвы,—по этой же самой дорогѣ они ѣздятъ уже съ тою же кладью на парѣ воловъ, а за тѣмъ и на одной лошади; но первый годъ бываетъ долго памятенъ.

Въ прежнее время было трудно ѣздить не только по этимъ лѣснымъ дорожкамъ; но и вообще колесныхъ дорогъ въ краѣ было всего 150 верстъ, а вмѣсто нихъ по разнымъ направленіямъ вились узенькія тропинки, по которымъ можно было только ходить пѣшкомъ, да ѣздить верхомъ, навьючивши на лошадь свою поклажу. Въ послѣднее время казна сдѣлала хорошей

большой колесной дороги 1500 вер., да вездѣ между деревнями, станицами и поселками провела проселочныя дороги.

Въ 1891 г., объѣхавъ разныя иноземныя страны, впервые посѣтилъ Сибирь Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ—нынѣ царствующій Государь Императоръ. Въ память благополучнаго Его возвращенія въ отечество было положено начало истинно народнаго дѣла,—постройки желѣзной дороги черезъ всю Сибирь до Южно-Уссурійскаго города Владивостока. Въ этомъ городѣ Его Высочество получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ сказано:

„Повелѣвъ нынѣ приступить къ постройкѣ сплошной черезъ всю Сибирь желѣзной дороги, имѣющей соединить обильныя дарами природы сибирскія области съ сѣтью внутреннихъ рельсовыхъ сообщеній, Я поручаю Вамъ объявить таковую волю мою, по вступленіи Вами вновь на Русскую землю, послѣ обозрѣнія иноземныхъ странъ Востока. Вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаю на Васъ совершеніе во Владивостокѣ закладки разрѣшеннаго къ сооруженію на счетъ казны

и непосредственнымъ распоряженіемъ правительства Уссурійскаго участка великаго сибирскаго рельсоваго пути. Знаменательное участіе Ваше въ начинаніи предпринимаемаго Мною сего истинно добраго дѣла да послужитъ новымъ свидѣтельствомъ душевнаго моего стремленія облегчить сношенія Сибири съ прочими частями Имперіи и тѣмъ явить сему краю, близкому моему сердцу, живѣйшее мое попеченіе о мирномъ его преуспѣяніи".

19-го мая того же года Наслѣдникомъ Цесаревичемъ была совершена во Владивостокѣ закладка Южно-Уссурійскаго участка великой сибирской желѣзной дороги. Его Высочество изволилъ лично наложить тачку земли и свезти ее на полотно строющейся дороги.

Послѣ всего того, что мы сообщили на этихъ страницахъ, послушаемъ еще, что говоритъ объ Южно-Уссурійскомъ краѣ и о переселеніи въ него почтенный, всѣми уважаемый писатель Елисеевъ, лично на мѣстѣ изучившій этотъ край.

„Южно-Уссурійскій край", говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, „не рай, куда всѣ, жалающіе легкаго хлѣба, должны летѣть, какъ птицы. Въ этой странѣ такъ-же, какъ и въ дру-

гихъ, не легко зарабатывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, а кто хочетъ разбогатѣть тамъ, тотъ долженъ работать въ потѣ лица своего: сама по себѣ земля ничего не даетъ; надъ нею приходится хорошенько подумать и полить ее каплями своего пота.

Не на радость и беззаботную жизнь, а на тяжелый трудъ, на трудъ упорный, хотя и хорошо вознаграждающійся, долженъ ѣхать всякій переселенецъ, собирающійся въ Южно-Уссурійскій край. Всего тамъ много, правда, далъ Богъ; но ко всему человѣкъ долженъ приложить свои трудъ и терпѣніе, подъ часъ не меньшіе, чѣмъ и дома на родной истощенной нивѣ. Кто боится этого труда или не умѣетъ взяться за него даже у себя на родинѣ, тотъ и въ этомъ, какъ думаютъ нѣкоторые крестьяне, „раю“ останется голоднымъ. Напрасно такой человѣкъ броситъ свой родной край, родныхъ, родныя могилы..; охватитъ его тамъ раскаяніе, и пропадетъ такой человѣкъ. Такихъ несчастливцевъ много среди переселенцевъ: разстроили они свою прежнюю жизнь на родинѣ и проклинаютъ теперешнюю долю“.

А. Новицкая.

Новыя изданія Харьковскаго издательскаго комитета

при Харьковскомъ Обществѣ грамотности:

№№ 13) А. Г. Разумовскій. 14) Южно-Уссурійскій край и переселенцы. 15) *Жуковскій, 16) Очерки изъ американской жизни, 17) Голодный годъ, 19) * О шелкѣ. 20) * Прекрасная Ни вернеза. 21) Добрые люди стараго времени на Руси. 22) *Швейцарія. 23) Магометъ. 24) *Желѣзныя дороги. 25) Перекотыполе. 26) Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе. 27) Г. С. Сковорода. 29) Какъ живутъ китайцы. 30) Голландія. 31) Братства. 32) На краю свѣта. 33) Школа. 34) *Сестра Катерина. 35) Карлъ Великій. 36) Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ. 37) *Друзья, 38) *Жанна д'Аркъ, 12 названій, раньше изданныхъ Комитетомъ, всѣ распроданы, и въ настоящее время брошюры, отмѣченныя звѣздочкою, представляютъ ихъ перепечатку новымъ изданіемъ; (1-е изданіе №№ 20, 24, 37 и 38 было *допущено* УченымъКомитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ библіотеки всѣхъ низшихъ и среднихъ учеб. завед., №№ 19 и 26 *одобрены* для тѣхъ же библіотекъ, №№ 13, 14, 15 и 34 допущены въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ).

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

въ Харьковѣ, на Москалевкѣ, по Васильевскому переулку, домъ № 10, въ домѣ Общества грамотности, въ помѣщеніи Народной читальни; тутъ-же и розничная продажа, послѣдняя также при 2-й и 3-й читальняхъ, во время народныхъ чтеній въ Реальномъ училищѣ, въ Москалевской школѣ Общества грамотности и ночлежномъ пріютѣ.

Другіе склады: **въ Харьковѣ**—на Екатеринославской ул., въ складѣ Губернскаго Земства, въ книжныхъ магазинахъ Суворина, Куколевскаго, Михайлова, Пузакова и др., **въ Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ А. М. Калмыковой (Литейный пр., д. № 60), **въ Москвѣ**—въ кн. маг. Конусова (Тверская, д. Чижовыхъ), въ книжн. складѣ Муриновой (Бронная, Трехъ-прудный пер., соб. домъ), въ складѣ книгъ и учебныхъ пособій „Сотрудникъ школъ" Залѣсской (Воздвиженка, домъ Армандъ), **въ Одессѣ**—въ складѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества и книжномъ магазинѣ Шапсовича (Малый переулокъ, д., № 8), **въ Нижнемъ-Новгородѣ**—въ Обществѣ распространенія начальнаго образованія, **въ Твери**—въ книжномъ складѣ Губернскаго Земства, **въ Вяткѣ**—въ книжномъ складѣ Губернскаго Земства, **въ Томскѣ**—въ Обществѣ грамотности, **въ Усмани**—въ книж. торговлѣ публичной библіотеки, **въ Кременчугѣ**—въ складѣ уѣзднаго земства, **въ Александровскѣ** (Екатерин. губ.) въ складѣ уѣзднаго земства, **въ Кіевѣ**—въ книж. маг. Іогансона и др. а также **въ Саратовѣ, Астрахани** и др.

Лица, пріобрѣтающія изъ главнаго склада въ Харьковѣ, платятъ за сотню: №№ 15, 16, 17, 19, 21, 26, 27, 28, 34, 37 и 38-го по 1 р. 5 коп., розниц. продажа—1½ к.; №№ 13, 14, 20, 22, 23, 24, 25, 29, 31, 32, 33, 35, 36 по 2 р. 10 к., розниц. продажа—3 к. № 30-й по 2 р. 75 к., розниц. продажа 4 к.

ПЕРЕСЫЛКА НА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ.